

Глава 20. Правила санатория 20

Как только Яо Хаохао это произнесла, Лу Хуэй и Мин Чжаолинь одновременно — один обернулся, а другой повернул голову в сторону.

В крошечное смотровое окошко действительно пялились чьи-то глаза. Они были выпучены до ужаса, словно вот-вот выскочат из орбит — не веки касались стекла, а сами глазные яблоки, прижавшиеся к защитному бронированному стеклу.

Глазные яблоки были исчерчены алыми прожилками, налитые кровью. К тому же мутные, как у дряхлеющего старика, готового согнуться с этого света.

Лу Хуэй невольно отступил на шаг.

Мин Чжаолинь, напротив, был вовсе не испуган, он с явным интересом уставился на это глазастое зрелище в узком прямоугольном оконце и даже подумал: «Интересно, как у него получилось так вытаращить глаза, будто они на полголовы наружу вылезли?»

Он не только подумал, но ещё и вслух это сказал, тем самым внезапно рассеяв наэлектризованную атмосферу ужаса.

Потому что вопрос получился настолько абсурдным, что все поневоле начали задумываться: «И правда, как?»

— ...Он уже давно не человек, — отозвался Лу Хуэй, — даже если бы выковырял себе глаз и бросил в тебя, это вполне было бы в духе жанра.

Мин Чжаолинь кивнул, задумавшись:

— В точку.

Яо Хаохао: ...

Глядя на них двоих, она сама не понимала, куда делся тот ужас, который она испытала, когда увидела глаза за стеклом. Ей уже было не так уж и страшно, а даже... немного смешно.

Какое-то странное ощущение.

Хотя ситуация была по-прежнему смертельно опасной.

Даже когда снаружи за дверью раздался жутковатый смех и механически искажённый голос, звучало это уже не так пугающе.

— О чём вы тут беседуете?

Хотя голос был хриплым, а произношение странным, словно это говорит не человек, а испорченный аппарат, они сразу поняли, кто это.

Ван Полан. Или... «Ван Полан».

— Можно мне войти и послушать?

Мин Чжаолинь, как человек, которому больше по душе болтать с NPC, чем с реальными игроками, отреагировал, а Лу Хуэй — нет, наотрез отказав:

— Нет.

— Почему? — не унимался «Ван Полан».

Мин Чжаолинь даже слегка склонил голову, будто задумался, и ответил со всей серьёзностью:

— Потому что ты настолько уродлив, что глазам больно.

«Ван Полан»: ...

— Я нашёл зацепку. Если пустите меня — расскажу.

Зловеще проскрипел он.

Он прищурился, его выпученные глаза слегка изогнулись, будто пытаюсь выглядеть дружелюбно и не опасно:

— Это подсказка о том, как вызвать лифт на минус восемнадцатый этаж~

Услышав это, Лу Хуэй, до этого пытавшийся уловить какую-то ускользающую догадку, замер, а Мин Чжаолинь приподнял бровь.

Мин Чжаолинь посмотрел на Лу Хуэя и тон его голоса стал оживлённым:

— А-Мань, что будем делать? Меня прямо зацепило.

— ...Ты же только что говорил, что у тебя от него глаза болят. — напомнил Лу Хуэй.

— Ради информации, которая тебе нужна, я готов и потерпеть. — Мин Чжаолинь пожал плечами, — К тому же, если посмотреть на тебя подольше, глаза освежатся.

Услышав это, и Яо Хаохао, и И Аньнань невольно взглянули на Лу Хуэя.

Честно говоря, его внешность действительно...

Яо Хаохао мысленно подумала: если бы не ощущение настоящей опасности, можно было бы подумать, что она просто снимается в каком-то хоррор-фильме.

Лицо Лу Хуэя было слишком запоминающимся, даже в шоу-бизнесе он бы оказался в числе первых.

Особенно пара маленьких родинок под внешним уголком его правого глаза — взгляд сам тянулся к ним.

— Благодарю за комплимент. — сухо сказал Лу Хуэй.

— Не за что. — усмехнулся Мин Чжаолинь. — Говорю, как есть. А-Мань, тебе стоит быть в себе поуверенней.

Лу Хуэй: ...

Яо Хаохао не из тех, кто слепо следует за красивой внешностью, но сдержаться не смогла:

— Погодите... вы серьёзно собираетесь его впустить?

Лу Хуэй взглянул на неё и подумал про себя: ну, есть куда расти...

— Ты видишь, чтобы Мин Чжаолинь двигался?

Яо Хаохао краем глаза посмотрела на Мин Чжаолиня.

Тот стоял, засунув руки в карманы, небрежно прислонившись к дверному косяку, с видом человека, которому никто не интересен. Двигаться он явно не собирался.

Яо Хаохао замерла:

— Тогда о чём вы говорите?

— Ты не заметила, — тяжело вздохнул Лу Хуэй, — что поведение «Ван Полана» сейчас совсем не похоже на то, что ты описывала?

По словам Яо Хаохао, «Ван Полан» был вспыльчивым, на пределе эмоций. А этот — напротив, чересчур спокойный.

Кто-то другой мог бы глупо предположить: «Может, потому что не удалось нас обмануть?»

Но Яо Хаохао проявила сообразительность:

— Ты имеешь в виду... смену личности?

Удовлетворённый Лу Хуэй щёлкнул пальцами.

Мин Чжаолинь был прав: с ней вполне можно объединиться, чтобы идти дальше вместе.

Они не считали «Ван Полана» за человека, поэтому говорили в открытую.

Но теперь, услышав всё, что они обсуждали, «Ван Полан» перестал притворяться.

Ручка двери палаты №13 щёлкнула — четверо одновременно обернулись.

«Ван Полан» нажал на ручку.

Яо Хаохао напряглась до предела, даже вскочила и приняла боевую стойку.

Ручка отскочила, потом снова нажалась.

Так повторилось несколько раз, с нарастающей скоростью и эмоции «Ван Полана» тоже становились всё более бешеными.

— ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ!!!

— Быстро откройте дверь, слышите?!

— Мы все игроки! Вы хотите, чтобы я сдох за дверью?!

— Сюй Тин идёт! Я слышу её шаги! Пожалуйста, откройте! Спасите!

— Откройте, ааааааа!!!

Он даже... заплакал.

«Ван Полан» ревел, барабанил в дверь, дёргал ручку:

— Пожалуйста... откройте... почему никто не открывает... я не хочу умирать...

У Яо Хаохао от этих всхлипов закололо в затылке. Она даже невольно подумала: «Может, и вправду впустить... жалко же его...»

В тот момент, когда это ощущение только возникло, капля воды с её волос скатилась по шее, оставив за собой ледяной след — и резко привела её в чувство.

Она пришла в себя и мурашки побежали по коже.

Она подсознательно потёрла плечи.

Лу Хуэй же задумчиво вглядывался в смотровое окошко, где теперь уже собирались слёзы.

Вот только дверь у них не была заперта.

Так что, даже если «Ван Полан» дёргал ручку — войти он не мог.

Скрытое правило подтвердилось: как бы то ни было, если это призрачный NPC — будь, то игрок, ставший монстром, или изначально нечеловеческое существо — он не может войти в палату.

А вот если они откроют... может и войдёт. Сюй Тин в розовом, возможно, не сможет, но «Ван Полан» — точно сможет. Иначе бы не бился так в дверь.

Лу Хуэй что-то пробормотал себе под нос.

Яо Хаохао заметила, что он что-то бормочет, но не разобрала слов — за дверью было слишком шумно. Маленькая дверца выглядела так, будто вот-вот поддастся и откроется.

Мин Чжаолинь же понял и рассмеялся.

— А? — Яо Хаохао непонимающе посмотрела.

Хоть она и обещала не задавать лишних вопросов, но это не значит, что ей хотелось упустить что-то важное!

И Аньнань чуть улыbnулась. Увидев, что Яо Хаохао в замешательстве, она тихо прошептала:

— Цзюнь Чаомань сказал: когда Ван Полан переключается на основную личность, у него автоматически включается способность «рыдания демонов*».

* 哭嚎 (guǐ kǔ láng háo) — дословно «рыдания демонов и вой волков»; означает душераздирающий плач, здесь используется и как игровая способность.

Яо Хаохао: ...

Сказать такое в такой момент — это талант.

— Аньнань-цзе, — шепнула она, — у тебя отличный слух.

И Аньнань застенчиво улыbnулась:

— У меня нет особых талантов... Но я встретила когда-то добрых игроков, который мне рассказали, что слух можно развить. Вот и решила попробовать, ведь, чем больше умений, тем выше шанс выжить в инстансе.

Они спокойно разговаривали, а за дверью «Ван Полан», так никого и не дождавшись, мрачно бросил:

— Всё равно вы сдохнете. ВСЕ СДОХНЕТЕ!!!

Те же самые слова, что он говорил Яо Хаохао с И Аньнань.

И ушёл.

Наконец наступила тишина. Лу Хуэй массирующими движениями потёр уши и спросил Яо

Хаохао:

— Если Сюй Тин и «Ван Полан» передвигаются независимо, то... как вы вообще добрались сюда живыми? Ведь «Ван Полан» поумнее будет.

— Они, кажется, не могут ходить по лестницам. Мы специально проследили. Когда они доходят до лифта, просто исчезают — и потом появляются либо этажом выше, либо ниже, вроде как случайно.

— Подняться тоже вышло не сразу... не очень приятно говорить это, но... нам повезло, что кое-какие палаты оказались пустыми — нам было где спрятаться.

Она замялась:

— На седьмом этаже мы столкнулись с Сюй Тин, пришлось бежать вниз. Нас спас игрок из пятой, открыв нам дверь.

Палата Пятого находилась как раз у лестницы на шестом этаже — удобное место.

— И на девятом, игрок из десятой тоже открыл нам. А на десятом — помог укрыться Ци Бай.

Лу Хуэй слегка приподнял бровь.

Яо Хаохао сразу насторожилась:

— Что-то не так?

— Нет. — он улыбнулся.

Хоть он так и сказал, но в голосе улавливалась странная интонация:

— Просто добрых игроков в этом инстансе оказалось больше, чем я ожидал.

Это не звучало, как удивление или похвала, а скорее... насмешка.

Яо Хаохао нахмурилась:

— Они что, подозреваемые?

Она начала анализировать, кто может быть «призраком»:

— Пятый и Ян Лун знакомы, значит, вряд ли это он. Неужели Десятый? Или тот, кто рядом с вами?..

— ...Не призрак. — медленно проговорила И Аньнань. — Это способность. Кто-то из них использовал на нас умение. Или артефакт.

В таких инстансах бывают скрытые награды, иногда — в виде предметов.

Если пускают внутрь... либо это сильный игрок вроде Мин Чжаолия, который надеется, что они раскроют тайну, либо — тот, кто хочет подставить.

Слишком беспечно...

Лу Хуэй одобрительно посмотрел на них: угадали.

— Против нас? — ахнула Яо Хаохао.

И Аньнань прикусила губу:

— Да. Есть способности, которые действуют только на игроков, а не на NPC.

— Да как так? — Яо Хаохао не верила. — Этот инстанс итак адски сложный, так ещё и игроки друг другу гадят?!

Лу Хуэй — автор сценария — замер.

И Аньнань объяснила Яо Хаохао:

— В некоторых инстансах предусмотрены разделения на фракции. А мир игры включает в себя дуэли, соревнования, повышение уровня... Сейчас сложно всё объяснить. Когда пройдёшь дальше, сама поймёшь.

И тихо добавила:

— Проще говоря, считай, что это игровой мир. А в игре игроки всегда соревнуются между собой.

Только вот в этой игре — всё по-настоящему.

И жизнь у всех всего одна.

Однако Яо Хаохао, очевидно, не могла это принять. Даже если благодаря паре фраз, брошенных И Аньнань она успела кое-что понять, всё равно не могла сразу смириться с подобным.

Лу Хуэй заговорил:

— У вас не возникало ощущения, что кто-то из игроков ведёт себя странно?

В этот момент И Аньнань, обычно выступающая как почти бесполезный инструмент с единственной функцией активации способностей, наконец-то проявила себя как настоящий ветеран:

— Да.

Хоть её голос и был тихий и робкий, вызывающий образы кролика или хомячка, её интонации были резкими и решительными. В отличие от Яо Хаохао, которая до сих пор не запомнила имён, И Аньнань всех перечислила:

— У Е Юэ был неважный вид, и она как минимум полминуты не отрываясь смотрела на меня.

Она, не поднимая взгляда, продолжала смотреть в пол:

— Ся-гэ, похоже, чувствует себя виновато...

— Хань Цзеюань выглядел самым нормальным. — И Аньнань сделала паузу. — Он только спрашивал, есть ли у нас какие-нибудь зацепки, не случилось ли что с Янь Луном... и насколько мы продвинулись в решении загадки.

Хань Цзеюань — это игрок и пятой палаты, тот самый, который был знаком с Янь Луном, тоже опытный игрок.

Поведение у него и правда не вызывало подозрений. Вполне походил на обычного игрока, который надеется, что «профи» вытащат его из инстанса.

Лу Хуэй задумчиво произнёс:

— То есть минимум двое применили на вас способности?

— ? — Яо Хаохао нахмурилась.

Это ведь было очевидно. Она и сама это знала. Молчаливый вопрос был не от непонимания, а от возмущения.

Но ничего не сказала. А И Аньнань только привычно вздохнула:

— ...Нам только остаётся быть осторожными.

Когда-то она была такой же, как Яо Хаохао — злилась, возмущалась, даже если до ужаса боялась, всё равно поднималась и стиснув зубы говорила «нет».

Но всего лишь три пройденных инстанса — и она почувствовала, как её мягкое сердце было истёрто в кровь, словно песком, и постепенно закаменело.

Она знала, что и Яо Хаохао пройдёт через это. Превратится в такую же.

Иначе нельзя — этот мир пожирает людей.

— Вы по дороге сюда ничего странного не видели?

Увидев, что они не упомянули операционную, Лу Хуэй сам повёл разговор в этом направлении.

Яо Хаохао слегка нахмурилась:

— Что именно? Говори прямо.

— Операционная. — сказал Лу Хуэй.

Когда он это произнёс, Яо Хаохао удивлённо приподняла брови.

Убедившись, что они действительно ничего не видели, Лу Хуэй добавил:

— Когда мы с Мин Чжаолинем вышли, возле лифта появилась операционная. И когда возвращались, она по-прежнему была там.

— ...Я точно помню, что, когда мы поднимались, в конце коридора десятого этажа всё ещё было окно. — сказала Яо Хаохао.

— Значит, видеть её можем только мы. — спокойно отозвался Лу Хуэй.

Он сунул руки в карманы халата, и незаметно сжал в ладони металлическую табличку.

Может, именно из-за неё они могут видеть операционную?

Ведь табличка была «из психлечебницы».

Если так...

Завтра утром на собрании будет хоть что-то обнадеживающее. Не сказать, что они будут в безопасности, но и безнадегой уже не назовёшь.

Яо Хаохао не удержалась:

— Но почему видеть можете только вы?

Лу Хуэй не стал отвечать на вопрос и вместо этого сказал:

— Завтра можете нас не искать. Мы собираемся пойти на собрание.

Яо Хаохао замерла:

— ...

Она хотела что-то сказать, может, отговорить их, но тут же подумала: раз уж в это лезет сам «Цзюнь Чаомань», да ещё с таким союзником, как Мин Чжаолин, вряд ли им нужна её забота.

Кроме того, она и сама понимала, что все возможные безопасные зацепки они уже исчерпали. Если не сделать что-то решительное, они окажутся в тупике. И умрут.

Ведь Сюй Тин уже намекала на время.

Так что в итоге Яо Хаохао сказала только:

— Тогда будьте осторожны. Если вы не попадёте в другое пространство и вдруг понадобится помощь... обращайтесь. Я помогу.

Мин Чжаолин посмотрел на неё.

По выражению лица было ясно, что это его удивило.

Такие новички, как Яо Хаохао — редкость для этого инстанса.

Тем более... её слова явно означали: готова идти до конца.

Он перевёл взгляд на Лу Хуэя, мысленно отметив: неплохой выбор напарника.

Лу Хуэй не удивился. За время общения он уже понял, что Яо Хаохао — добрая, стойкая и справедливая. Он слегка улыбнулся:

— Хорошо. Если что — громко крикну: «Сестра Яо, спасай!»

Яо Хаохао, ошеломлённая шуткой в такой серьёзной обстановке: «...»

Но всё равно рассмеялась:

— В реальной жизни, наверное, ты очень нравишься людям.

Красивый, весёлый, остроумный.

Типичный душа-компания.

Лу Хуэй тоже усмехнулся, но на это ничего не ответил.

Информация передана. Оставаться здесь Яо Хаохао и И Аньнань смысла уже не было.

Разве что избегут одной лишней опасности.

Но очевидно, что ни Лу Хуэй, ни Мин Чжаолинь не собирались их задерживать, и потому И Аньнань, проявив тактичность, дёрнула Яо Хаохао за рукав:

— Пошли?

— Угу. — кивнула та.

Лу Хуэй махнул им:

— Осторожней по пути.

Яо Хаохао бросила на него взгляд. Её впечатление о Лу Хуэе было... не лучшим.

Люди вроде него... хоть и симпатичные, остроумные и харизматичные — самые опасные. Иногда даже опаснее, чем такие, как Мин Чжаолинь.

Когда девушки ушли, Лу Хуэй повернулся к Мин Чжаолиню.

Тот в тот же миг взглянул на него.

Их взгляды встретились, Мин Чжаолинь слегка склонил голову, будто спрашивая: «Что такое?»

Лу Хуэй не повёлся. Вместо ответа усмехнулся:

— Ты завладел способностью Е Юэ.

Но какая же у неё способность?

Лу Хуэй в уме перебрал всех созданных им женских персонажей. Среди тех, что без имён... по идее, не было ничего, что бы заинтересовало Мин Чжаолиня.

Если и была — то перекликалась с уже имеющимся способностями. Тогда зачем отбирать?

Или же эта способность из тех инстансов, что были сгенерированы автоматически, без его участия?

Раз Мин Чжаолинь на неё позарился, значит, она точно не бесполезна...

Лу Хуэй цокнул про себя языком.

Знал бы — начал бы с описания первого инстанса Мин Чжаолиня.

Зацепку хотя б тогда имел.

Мин Чжаолинь не стал отрицать. Его глаза блеснули, в улыбке смешались возбуждение и хищная опасность:

— А-Мань, ты как будто немного расстроен.

И многозначительно добавил:

— Ты хорошо знаешь меня... но плохо знаешь остальных.

Лу Хуэй не стал отвечать. Даже не стал обращать на это внимания. Только пробормотал себе под нос:

— Всё равно ты не скажешь, в чём суть способности Е Юэ. Так что и спрашивать смысла нет.

Он направился к прикроватной тумбочке:

— Я не собираюсь спрашивать у Е Юэ. Так что тебе и убивать её не обязательно.

Мин Чжаолин, который как раз и собирался это сделать, на миг замер.

Он криво улыбнулся, глядя на прямую спину Лу Хуэя, и в груди вдруг поднялось странное чувство.

Никто раньше так его не цеплял. Загадочный, сильный, красивый... Эти черты можно найти и в других, особенно в ядре.

Даже не обязательно в ядре.

Но в «Цзюнь Чаомане» было что-то другое. Неуловимое.

Возможно, дело в том, что у Мин Чжаолин ничего не помнил о прочитанных книгах, не было культуры, и он просто не знал нужных слов, чтобы это описать.

Но это было... уникально.

Как запретный плод, манящий и недостижимый.

— ...А-Мань.

И всё же в глазах Мин Чжаолина снова вспыхнуло желание убивать. Его голос стал тихим:

— Ты и вправду хорошо меня знаешь.

Он изначально был создан недоверчивым. Не верил никому. Поэтому не мог позволить Лу Хуэю остаться в живых.

Лу Хуэй понимал, что тот снова жаждет крови. Но не паниковал.

Ведь сейчас — в этом инстансе — Мин Чжаолинь не может его убить.

А в следующем...

Ну, он уже заранее продумал маршрут и обязательно обойдёт Мин Чжаолиня.

Лу Хуэй сжал кулаки, подбадривая себя.

Он ведь не может быть таким уж невезучим.

Он открыл ящик тумбочки и не увидел медицинской карты.

Он на мгновение застыл, затем перевёл взгляд на Мин Чжаолиня, глаза сузились, голос стал жёстче, атмосфера мгновенно натянулась:

— Что ты сделал?

Зачем ему прятать карту?

Мин Чжаолинь, как ни в чём не бывало, широко улыбнулся:

— А-Мань, ты хочешь знать?

Он достал сложенную карту из кармана и покачал ею:

— Забери, если сможешь.

Лу Хуэй нахмурился, потянулся, но в момент, когда почти дотронулся до карты, Мин Чжаолинь резко убрал руку в сторону.

Лу Хуэй не успел и тут же потянулся снова. Мин Чжаолинь крутанул кистью, обвёл её снизу и вернул карту на место.

— ... — Лу Хуэй.

Он убрал руку и сказал:

— То есть ты не собираешься её отдавать.

Мин Чжаолинь снова покачал картой:

— Забери силой. Сможешь — она твоя.

Лу Хуэй с каменным лицом сел на край кровати:

— У меня не те характеристики.

И тут же лёг:

— Лучше сам подумаю.

Он не скрывал — и даже хотел, чтобы Мин Чжаолинь знал, что он слаб.

Особенно с учётом всех промахов, которые он уже допустил в этом инстансе, у него явно нет боевых навыков.

В этом нет ничего удивительного. Если способности не усиливают физические параметры, то многие игроки в ядре — полный ноль в рукопашке.

Мин Чжаолинь с непонятым выражением лишь скривил губы.

Лу Хуэй не ответил ему, а занялся мозговым штурмом.

Медицинская карта... В ней что-то изменилось? Появились симптомы?

Но ведь они — «один человек». Если симптомы и появились, Мин Чжаолинь бы не стал это скрывать... хотя нет. Зная его, он вполне мог нарочно прикинуться, лишь бы добавить Лу Хуэю сложностей — тянуть назад вполне в его духе.

Ему, главное, чтобы не сгубил насмерть, а остальное — не важно...

Могут ли в их карте действительно появиться симптомы?

Лу Хуэй склонялся к тому, что нет.

Потому что с самого начала в карте значились только записи о приёме лекарств.

Записи о лекарствах... Стоять. Лекарства?!

Лу Хуэй резко сел, в изумлении глядя на Мин Чжаолиня:

— Ты не принимал лекарства.

Фокусов с симуляцией приёма лекарств он и сам знал дюжину, поэтому, разумеется, сразу же разработал для Мин Чжаолиня подобный трюк.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, ещё не успев ничего сказать, а последняя тень сомнений у Лу Хуэя уже развеялась. Он повторил:

— Ты не принимал лекарства.

Но Мин Чжаолинь — не из тех, кто, будучи прижат к стенке, растеряется или отступит. Он не тот, кто почувствует вину или решит, что интерес пропал, и признается. Если ему вдруг станет весело, то даже при очевидных уликах, он будет продолжать свою игру:

— А-Мань, ты зря меня обвиняешь. Если бы я действительно не пил лекарства, разве мы бы не попались уже? Это ведь прямое нарушение правил.

— В моих правилах сказано: «Убедитесь, что ваш пациент принимает лекарства вовремя», а не: «Проследите, чтобы он точно их принял». Это значит, что приём лекарств — скорее формальность, а не строгая необходимость.

Лу Хуэй посмотрел на Мин Чжаолиня:

— Возможно, в твоих правилах прямо сказано, что принимать лекарства вовсе не нужно. Тогда вместе с моей формулировкой это сложится в новую — как, например, «не выпускай пациента из палаты» и «не упускай из виду лечащего врача» вместе дают «не действовать в одиночку».

Правила — это ловушки. Иногда в одной фразе скрывается загадка, разгадка которой есть только в другом фрагменте.

— Но по паре Яо Хаохао можно понять, что правило про приём лекарств не лежит на поверхности. Да и, скорее всего, они их всё-таки пили.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, с усмешкой наблюдая за ним, поощряя продолжить.

Лу Хуэй спокойно:

— Если они не пили, то ситуация у них была бы как у нас. Я не думаю, что в этом инстансе есть скрытые правила, да и не думаю, что новичкам позволят нарушать их без последствий.

Он знал, как устроен этот мир, ведь сам его писал. Да, бывают инстансы со специальными ролями, но такие роли либо дают больше подсказок, либо ставят игрока в особо трудное положение. А вот таких, где можно спокойно игнорировать правила — нет.

Так что всё говорит о том, что И Аньнань лекарства принимала. А лекарства — это тоже загрязнение.

И именно поэтому они не испытывали тот жгучий, разъедающий голод, как у них. В этом инстансе нормальное состояние — быть голодным до изнеможения, дабы поддастся искушению еды в столовой. Потому что это и есть форма соблазна — соблазна к контакту с загрязнением.

Если догадка верна — значит, и загрязнение делится на уровни.

Какие конкретно — неизвестно. Но Лу Хуэй считал так: лекарство, скорее всего, либо слабое по воздействию, либо с отложенным эффектом, медленно накапливающееся загрязнение.

А тяжёлое заражение Янь Луна и Ван Полана, скорее всего, объясняется тем, что они, приняв лекарства, ещё и съели еду из столовой.

Одно усилило другое... Или же, возможно, и дневная поездка на лифте — тоже одна из форм загрязнения.

Это же инстанс с «ветеранами, сопровождающими новичков». Не может же быть, чтобы попадание под загрязнение означало мгновенную смерть — тогда никто бы не выжил, и идея такого формата теряла бы смысл.

Игроки вроде Ван Полана, скорее всего, стали жертвами именно накопленного воздействия разных форм загрязнения, которые объединились и вызвали вспышку. Поэтому они и сошли с дистанции.

Лу Хуэй молниеносно осознал суть:

— Они выпили лекарства потому, что подсказка слишком завуалирована, понять можно только самому.

Он посмотрел на Мин Чжаолиня:

— Более того, возможно, эту часть правил нельзя озвучивать.

Мин Чжаолинь, как всегда, улыбался, лицо было спокойным, никаких изменений.

Но в глубине души он невольно вздохнул.

И впрямь умён.

Потому что его правило звучало так: «Ты не болен. Но никому об этом не говори».

Он и не думал, что Лу Хуэй — какой-нибудь топовый ветеран из ядра, решивший поразвлечься в новеньком инстансе, но был абсолютно уверен — личность у него необычная.

Он точно связан с этим миром.

Лу Хуэй не знал, о чём думает Мин Чжаолинь, да и не интересовался.

Он выдохнул, лёг обратно на кровать и пробормотал:

— Всё-таки этот инстанс тяжеловат для новичков.

Формат с «ветераном и новичком» в идеале создан для того, чтобы новички не гибли, как мухи. Но этот конкретный сценарий оказался настолько закрученным, что даже если тут будут одни ветераны — скажем, двадцать четыре опытных игрока — он будет им по силам... ну, разве что с трудом.

А тут ведь половина участников — новички.

Лу Хуэй перевернулся на бок, и, не снимая обуви, улёгся поудобнее.

Неужели из-за его присутствия уровень сложности вырос до такого, что только при двадцати четырёх опытных игроках возможна хотя бы половина выживших?

Вот бы его просто закинули в одиночный инстанс — и никаких конфликтов с Мин Чжаолинем с самого начала. А так — сразу в ад.

Лу Хуэй тяжело выдохнул.

Он всеми силами старался это игнорировать, но факты были налицо. Как бы он ни пытался отрицать, всё чаще начинал ощущать, что этот мир — реальный.

И как только его мысли касались этой грани — всё рушилось.

Два дня без еды, конечно, влияют на мышление. Если бы сейчас он был сыт, особенно если бы

съел что-то сладенькое — лучше всего молочный шоколад — многое он бы понял раньше.

Но сейчас, после мозгового штурма и на фоне голода, на него наконец-то навалилась сонливость.

Снова сны...

...

На этот раз во сне Лу Хуэй очнулся всё в той же смирительной рубашке.

Он уже примерно понял, что причина этого в том, что раньше он сбегал из палаты и был пойман.

На самом деле, здесь зацепок немного. Скорее даже — вообще нет. Скорее, этот сон служит для дезориентации новичков.

Чтобы они не могли понять: сон это или реальность?

Особенно если...

Лу Хуэй уставился в потолок, уже не пытаясь вырваться.

Он подумал: скорее всего, игроки, попавшие в этот инстанс, действительно страдают от психических расстройств. Или хотя бы страдали в прошлом.

Судя по поведению Яо Хаохао... и Ци Бая.

У Ци Бая состояние, похоже, неустойчивое, и у Ван Полана тоже — движения, мимика, поведение немного отличались от нормы.

Лу Хуэй вздохнул.

Пожалуй, и впрямь — слишком уж сложно для формата с новичками.

Как только он выдохнул, у двери послышались шаги.

Потом дверь открылась.

Лу Хуэй глянул краем глаза — это была Сюй Тин.

Та самая Сюй Тин в белом халате.

Она вошла, держа в руках блокнот:

— Господин Лу, как вы себя сегодня чувствуете?

Лу Хуэй честно ответил:

— Ничего особенного.

Сюй Тин говорила тихо и ласково, словно воспитательница в детском саду, обращаясь к малышу:

— И галлюцинаций не было?

Тон её, на первый взгляд, был мягким и успокаивающим, но если вслушаться — особенно учитывая то, что вне сна — в этом было что-то зловещее, пробирающее до мурашек:

— Сегодня вам не слышалось, что кто-то вас ругает? Не слышали плач детей? Или как кто-то зовёт на помощь? Или звуки ударов, крики?

Лу Хуэй спокойно дождался, пока она закончит, и покачал головой:

— Нет.

Но тут же сам задал вопрос:

— Доктор, а когда меня развяжут?

Сюй Тин взглянула на него:

— А, теперь тебе некомфортно, да?

Она с притворной лёгкостью бросила на него взгляд:

— Вот сам подумай — если бы не убежал, разве пришлось бы теперь вот так лежать, что и пальцем не пошевелить?

Лу Хуэй начал умолять:

— Сестрёнка, я был неправ. Просто скучно стало.

— Надо было сказать мне.

Сюй Тин:

— Я бы подала запрос, и тебя бы вывели погулять. А ты упрявился.

Лу Хуэй замолчал и только жалобно посмотрел на неё.

Сюй Тин, кажется, всё же смягчилась:

— Ладно, схожу поговорю с врачом.

Лу Хуэй тут же расплылся в улыбке:

— Спасибо, красивая сестричка!

Сю Тин смутилась от такого комплимента:

— Вот уж язык у тебя... Не зря директор предупреждал быть поосторожнее с твоими сладкими речами.

Директор.

Здесь тоже упомянули директора.

Лу Хуэй не подал виду, просто продолжал безмятежно улыбаться.

Сюй Тин добавила:

— Сейчас директор будет обходить палаты. Раз уж ты сам признал, что я твоя любимая сестра, тогда и веди себя хорошо, ладно? Не сорви мне премию!

Директор идёт на обход!

Лу Хуэй тут же встрепенулся.

Он вцепился ногтями в мягкую кожу ладони, но внешне остался абсолютно спокойным, будто бы всё было в порядке.

— А когда он придёт?

— Через несколько минут.

Лу Хуэй кивнул. Когда Сюй Тин ушла, он резко поднял голову, чтобы посмотреть на время.

Время во сне совпадало с реальностью в санатории — чуть позже восьми вечера.

Вечером, да ещё и так поздно, директор занимается обходом?..

Такого Лу Хуэй ещё не видел.

Он знал про утренние обходы — с восьми до девяти, максимум до десяти.

А вот этот... неясно, насколько он «официальный».

Он уставился в потолок и тяжело выдохнул.

Всё-таки у него...

Ну...

Не самая безопасная внешность.

К счастью, сон не закончился до того, как директор пришёл. Сюй Тин сначала вернулась и сняла с него смирительную рубашку, потом снова вышла.

Лу Хуэй размял запястья, разогнул суставы — в этом сне было такое ощущение погружения, что казалось, будто его действительно сковывали всю ночь, всё тело затекло, каждое движение отдавалось болью.

Он только успел размяться и сесть обратно на кровать, как в дверь постучали.

Пришёл!

Лу Хуэй вскинул голову к двери. Она открылась.

Сюй Тин шла впереди, на ней была розовая униформа!

А за ней...

За ней вошёл мужчина, пропорции которого казались неестественными, словно бы нереальными: он был слишком высоким, плечи почти касались верхней части дверного проёма, да и в ширину он занимал всю дверь.

Длиннющие руки, не просто «ниже бёдер», а свисали аж до колен, будто у гориллы.

Однако при этом он не выглядел худощавым, напротив, был крупным, мускулистым. Казалось, стоит ему ступить и задрожит пол.

Но Лу Хуэй обратил внимание не на телосложение.

Первое, что бросилось ему в глаза — форма, которую тот носил: светло-голубая униформа.

!

У призрачной версии Сюй Тин тоже была розовая верхняя одежда, а под ней — такая же светло-голубая форма!

Лу Хуэй не отводил взгляда от входа.

Сюй Тин шагнула вперёд с сияющей улыбкой:

— Директор.

Обращалась она к мужчине в голубой униформе, стоящему снаружи — его шея и лицо скрывались за дверным косяком. Но этого «директорского» обращения было достаточно, чтобы удостовериться — да, это директор.

Она заговорила с ним:

— В палате №404 — Лу Хуэй. У него посттравматическое расстройство, перешедшее в бредовое состояние... Но сейчас с ним уже всё в порядке, скоро, думаю, можно будет выписывать.

Слова розовой Сюй Тин на мгновение сбили Лу Хуэя с толку.

Он не услышал, чтобы директор что-то ответил, но видел, как тот медленно наклонился, словно

собирался войти.

Лу Хуэй затаил дыхание и сосредоточился, готовясь к встрече, внутри всё сжалось.

Директор появился в поле зрения.

Лу Хуэй застыл... и в следующее мгновение резко вспыхнул яркий свет.

Он поморщился, рефлекторно отвернулся и уткнулся лицом в подушку.

Сквозь сомкнутые веки он всё равно чувствовал, как этот ослепительный свет больно давит на глаза, оставляя красновато-чёрное послевкусие.

И на подушке он почувствовал запах Мин Чжаолия.

Не сказать, чтобы неприятный, но и не то чтобы приятный.

Свежий, холодный, пробирающий, наводящий на мысли о смерти и лезвии ножа.

Да. Именно такой запах он когда-то придумал для Мин Чжаолия.

Лу Хуэй закрыл лицо руками.

В то время он перечитал кучу женских романов, особенно АВО, и в итоге не удержался и прописал Мин Чжаолию такой «отталкивающий» аромат, чтобы к нему никто не приближался.

Он медленно открыл глаза, в голове словно грохнула молния, и боль пронзала виски.

Очень больно.

Тянущая, мучительная боль.

Он выдохнул и сфокусировал взгляд — увидел Мин Чжаолия, сидящего на стуле, облокотившегося на спинку и крепко спящего, скрестив руки на груди.

И это тоже одна из прописанных ему способностей.

Он хотел уметь вот так — просто сесть и сразу заснуть. Это казалось ему крутым.

...Так что, по сути, Мин Чжаолинь — весь этот «bking» с молчаливой крутизной — это полностью его вина.

Лу Хуэй уставился на Мин Чжаолиня. Тот пошевелил губами:

— Что, только что понял, какой я красавчик?

Лу Хуэй усмехнувшись, лениво ответил:

— Ты всегда был красавчиком.

Да уж... Он ведь никогда не создаёт уродливых главных героев.

И он совсем не удивился, что Мин Чжаолинь проснулся. У того была запредельная бдительность — он мог уснуть где угодно, но проснётся при малейшем движении воздуха.

И это он тоже прописал.

Лу Хуэй взглянул на часы:

— ...Мне приснился директор.

Мин Чжаолинь приподнял веки:

— О? Как он выглядит?

Лу Хуэй выдохнул, голос был ровный:

— У него нет лица.

<http://bllate.org/book/12898/1133614>